

О сказках, страхах и собственных границах

Авторы: **Елизавета БЛАГОДАТОВА, Сергей ЧЕРТКОВ**

Светлана Борисовна АДОНЬЕВА,
доктор филологических наук,
профессор СПбГУ (кафедра истории русской литературы)

ФОТО: МИХАИЛ ВОЛКОВ

Со сказками каждый из нас знакомится в раннем детстве. Чуть что, теребим маму и папу: «Расскажите сказку!» Но сказки любят далеко не только дети, недаром так популярны книги в жанре фэнтези, написанные по канонам волшебной сказки. В чем суть сказки, почему она нам так нужна?

этим вопросом мы пришли к доктору филологических наук Светлане Борисовне Адоньевой, профессору СПбГУ (кафедра истории русской литературы).

— Что сегодня входит в понятие сказки?

— Вспомните, какие сказки рассказывали в детстве вам. Наверняка там был некий герой, за которого вы переживали, и важно, чтобы в конце сказки он остался жив, претерпев разные сложности. Вот вкратце то понимание сказки, которое есть сейчас. Один обязательный

оформлялись национальные идеи, нужно было обосновать национальную идентичность. Подобные процессы шли в России, Германии, Франции, Англии. Среди прочего записывается огромное количество повествовательного материала, большую долю которого составляли сказки. Выяснилось, что у материала, записанного на разных территориях, принадлежащих к разным традициям, много общего. Почему и там, и там существует некий специальный персонаж-антагонист, который испытывает героя? Или почему сюжет вроде нашего «Морозко» представлен во всех европейских традициях? В конце XIX века возникает несколько объяснений. Версия, связанная с общим происхождением: индоевропейская культура восходит к общему корню, отсюда — общие сюжеты. Версия, связанная с этапами развития познавательной деятельности: на этапе мифологического мышления при сходстве общих установок появляются общие сюжеты. Третья версия связана с историческими контактами между народами. Например,

мой заинтересовались и другие ученые, например, психологи. Юнгианская психология, разрабатывающая тему коллективного бессознательного, получила от сказок огромный материал для своих штудий. В любом случае, в сказке всегда есть некий иной мир: он может быть понимаем как наш внутренний мир, которого мы не знаем, либо как мир внешний. Для традиционной культуры различия не было: что внутри, то и снаружи. Это еще одна функция сказки: человек через сказочные тексты осваивал свой внутренний мир. Традиционные культуры, не будучи умозрительными и рационалистическими, имели больший опыт взаимодействия со своими чувствами. В современном мире переживания оказываются мало осознанными: люди не знают, что именно они чувствуют, и не умеют про это говорить. Сказочная традиция — это опыт проживания своих чувств, опыт их освоения. Например, страхов. Сказка, начиная с Колобка, который, как мы помним, плохо кончил, осваивает область наших страхов и отводит границу все дальше: сначала до дороги за воротами дома («не ходи за ворота»), потом до темного леса за рекой («не ходи по лесу один»), потом до тридцатого царства. Граница отодвигается, и сказка побуждает нас двигаться дальше, навстречу нашим страхам: метафизическим, социальным, страху смерти, страху любви, страху обладания...

На странице «Фольклор и фольклористика СПбГУ»

(<http://folk.spbu.ru/>)

можно прочитать и послушать сказки из архива фольклорных экспедиций СПбГУ, записанные в Вологодской и Архангельской областях в 1990-х–2000-х годах.

элемент — этот герой. Другой — присутствие чудесного, что определяет существование этого героя. Поэтому, например, «Гарри Поттер» — это пример современной сказки.

— Так понимали сказку всегда?

— Вопрос в точке отсчета. Генезисом сказки занимались многие ученые. Во многом фольклористика и произошла от этих штудий. В первой половине XIX века в разных странах начали систематически записывать фольклор: тогда

сюжет о несправедном суде есть в ветхозаветных текстах и в древнерусской литературе (повесть о Шемякином суде) — это свидетельствует о том, что между народами были контакты, даже если сейчас мы о них не знаем.

— Ни одна из версий не победила?

— Нет.

— Их по-прежнему три?

— Их стало больше! Названные мной версии складывались в рамках филологии, а потом те-

— Так ли легко отличить сказку от иной рассказанной истории?

— Расскажу историю из наших фольклорных экспедиций. Отправившись туда в первый раз, я с удивлением обнаружила, что рассказы о леших, о банниках легко записать. И вообще легко заговорить про магию, заговоры, порчу. А сказку записать очень трудно. Мне это удалось только во второй экспедиции, при очень смешных обстоятельствах. Это было на реке Сухоне, за Великим Устю-

гом. Было жарко, нас перевезли на другой берег реки, а потом началась непогода, мы не могли перебраться обратно, и вот мы застряли, голодные, холодные и промокшие, на другом берегу. Мы пошли стучаться к людям и говорить, что пришли записывать фольклор, хотя на самом деле надеялись, что нам дадут чаю, потому что мы ужасно продрогли... В конце концов, нас пустили в одну избу, и мы объявили, что пришли фольклор записывать. Бабушка ответила: «Ничего-ничего, сейчас подойду!» — и убежала за печку, а мы обрадовались, решили, что сейчас нам будет чай. Но не тут-то было! Бабушка появилась из-за печки преображенной: она вставила зубы, переделалась, надела платок, поставила стул посередине горницы, села — и стала рассказывать сказку... И мы забыли про чай... К чему я веду: народная сказка — это перформанс, спектакль: должна быть подходящая обстановка, исполнитель, слушатель. Ты должен отдаться сказке, прожить ее и, наконец, выйти. Вот в тот момент, когда «мёд по усам течет», слушатель выходит из пространства этой истории.

— Рассказывают обычно пожилые женщины?

— Совсем необязательно. Сказки записываются от людей разного возраста, от мужчин и женщин. Чаще всего либо старше 50, либо младше 13. Сказки передаются от бабушек-дедушек внукам. Хотя сказки совсем необязательно детские! Одно из распространенных заблуждений — что сказки обязательно волшебные. Есть сказки бытовые. Если брать русскую традицию — весь материал, который был записан, — то волшебная сказка занимает 25–30% от общей массы текстов. Куда больший объем занимают сказки бытовые. Они короче, они чаще всего смешные. В них речь обычно идет о некоем двойном стандарте, кто-то проигрывает, а кто-то выигрывает. Единственная бытовая сказка, которую все знают — это сказка о попе и работнике его Балде, ее помнят по Пушки-

ну, аутентичная не совсем такая, но похожа. Бытовые сказки взрослые. Значительная часть взрослых сказок — эротические, всенепременно с обценной лексикой, они рассказывались во взрослой аудитории, иногда сугубо мужской. Но такого рода рассказы и развлечения закончились с победой средств массовой информации. Раньше это была форма досуга.

— Какова все-таки основная цель сказок: мораль или развлечение?

— Мораль не имеет к сказке никакого отношения. Что касается развлечения — несомненно, да. Но в сказке есть и другое. На меня произвела очень сильное впечатление история, связанная с трагическими событиями в Беслане. Один из выживших детей рассказал, что, находясь в этой ситуации, все время ждал, когда появится Гарри Поттер, и все разрешится. Информация об этом появилась в контексте недовольства Гарри Поттером, причем православно-го толка, в связи с тем, что даже в экстремальной ситуации дети думают о таких странных вещах — но тем не менее, это правда: сказка помогает выжить в страшных условиях.

Замечательный отечественный фольклорист Георгий Семенович Виноградов заметил, что дети обычно не рассказывают сказки, но могут разыгрывать их между собой.

КРАТКО:

«Отец застал своего четырехгодовалого сына за игрой в поезд восседающим во главе выстроенных им друг за другом нескольких стульев. Отец хотел было приласкать мальчика, но тот заявил: „Папа, не надо целовать паровоз, а то вагоны подумают, что все это не взаправду“».

ЙОХАН ХЕЙЗИНГА. НОМО ЛУДЕНС

Если мы вспомним свои игры с солдатиками, паровозами, куклами, то обнаружим, что мы проживали в них некоторые сюжеты. Не просто так солдатик стоял рядом с паровозом. То, что случалось между игрушками, происходило у нас внутри. В более взрослом возрасте происходят игры между сверстниками. Георгий Виноградов заметил, что сказки не даются традицией, они задаются, как сюжеты для разыгрывания. Мы можем долго и упорно, в течение всей жизни разыгрывать один и тот же сюжет, который нам задали, пока, наконец, не осознаем, что сюжет-то не наш. И тогда сможем его поменять.

На протяжении многих лет женская часть советского населения жила сказкой о Золушке, той самой, из фильма с Яниной Жеймо, где достижение всех благ осуществляется благодаря терпению, смирению, доброте и кротости. Типаж был задан — и использовался в культуре.

— Но неужели в сказках нет морали? Ведь в сказках, как правило, добро побеждает зло.

— Конечно, моральный смысл имеется, но я бы не сказала, что это истории про добро и зло вообще. Это, скорее, истории про выбор. Выбор может быть разный: героический, трикстерский, выбор жертвы... Не стоит толковать эту мораль примитивно. Например, есть сказка о Лисе, которая очень плохо поступает с Волком, разнообразно его обманывая. Кстати, сказки о животных однозначно не про мораль, а про выигрыш или проигрыш. Волшебные сказки характерны для индоевропейской традиции и за ее пределами сильно изменяются. А вот сказки о животных распространены в самых разных традициях, в том числе весьма далеких от Европы. Начиная с 20-х годов XX века такие сюжеты получили название «трикстерские сказки». Трикстер — это антигерой, который всегда хочет быть сытым, сексуально удовлетворенным, хочет иметь то, что ему не принадлежит, и пойдет

на все, чтобы это заполучить. Такова хитрая Лиса в наших сказках, таков Койот в сказках североамериканских индейцев.

— Каждый ли может рассказать сказку?

— Совершенно точно, что фольклорное знание передается не вообще, а через людей, которые способны его каким-то образом пережить, осознать, трансформировать, приспособить к текущему моменту. Студентами в экспедициях мы развлекались тем, что пытались рассказать друг другу сказки, которые были бы совершенно необычными, небывальными. Мы обнаружили, что из сказочного способа повествования невозможно выскочить! Если вас попросит рассказать сказку, что бы вы ни придумывали, хоть про Терминатора, хоть про ежа морского, вы все равно расскажете нечто, что разворачивается по принципу сказочного

«Мы видим, что, действительно, количество функций весьма ограничено. Можно отметить лишь тридцать одну функцию. <...> Мы видим, что очень большое количество функций расположено попарно (запрет — нарушение, выведывание — выдача, борьба — победа, преследование — спасение и т. д.)».

ВЛАДИМИР ПРОПП. МОРФОЛОГИЯ «ВОЛШЕБНОЙ» СКАЗКИ

повествования. Есть определенный тип повествования — сказочный, — который мы немедленно улавливаем, и именно его воспроизводим, как только возникает такая потребность.

— Удалось ли это как-то классифицировать?

— Работы, связанные со сказочной формой, возникли в процессе попыток классификации сказочных сюжетов. Владимир Яковлевич Пропп с этой целью взял сто сказок из собрания А. Н. Афанасьева, проанализировал их и пришел к выводу, что их невозможно классифицировать на основе тех принципов, которые он взял за основу — принципов морфологического строения. Он

заклучил, что сказки, при всей их пестроте и разнообразии, строятся по определенному морфологическому закону. В своей знаменитой «Морфологии сказки» он показал, что сказочное повествование развивается на основании цепочки действий, звенья которой он назвал функциями. Функция — это поступок действующего лица, который связан с дальнейшим развитием повествования. Например, сказки всегда начинаются с нарушения запрета или вредительства. Уехал царь воевать — и сказал жене: «Везде гуляй, а за яблоками в сад не ходи». И что делает жена? Первым делом после отъезда мужа идет в сад. Или вредительство: жили-были три брата-крестьянина, и кто-то повадился в их поле горох топтать. И решили они выследить злодея. Таким образом, Пропп выделил постоянные составляющие сюжета, которые его двигают и разво-

рывают. При всех попытках уклониться, сказка всегда двигается одним путем: от недостачи и вредительства к ликвидации беды или недостачи, и потом — воцарению и свадьбе. Затем открытие Проппа было использовано в описаниях структур других повествовательных форм.

— Получается, что новая сказка может быть с новыми персонажами, но за рамки функций не выйдет?

— Да, это так. Но напоминаю: мы с вами говорим о волшебной сказке. Потому что сказка бытовая или трикстерская строится иначе. Сошлюсь на замечательную работу Елены Сергеевны Новик «Структура сказочного

трюка», она была написана в начале 90-х годов, а сейчас размещена в Интернете, ее можно найти. На мой взгляд, это одна из лучших работ о трикстерских сказках. А волшебная сказка всегда будет двигаться от недостачи к ее ликвидации, там будет путешествие за грань мира и обратно. Достаточно вспомнить знаменитые литературные сказки XX века — «Властелин колец» Толкиена или «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса. Что характерно, литературное повествование, которое строится по сказочному типу, авторы не называют сказкой. Думаю, это неспроста. Потому что волшебная сказка — она, конечно, миф. В отличие от мифа, который рассказывали в особой сакральной ситуации посвящения, сказочная ситуация не сакрализована, однако обстановка, чтобы сказка вошла в тебя, и сейчас создается особая: темное пространство, укромный уголок... Мифы XX века, в которых мы живем, в том числе и сказочные. Если бы их не было, нам было бы трудно выжить: нам нужен хороший финал в трудном деле путешествия за грань собственного мира, чтобы было откуда брать силу для того, чтобы жить свою жизнь.

— Если говорить о современном бытовании фольклора, какие сказки удается записать в экспедициях?

— Они отличаются от тех сказок, с которыми мы можем познакомиться в книгах: массовый читатель знает сказку отредактированную, с хорошим концом. Что меня поразило в вологодской сказочной традиции — из того фонда сказок, что мы записали за последние 15 лет, половина сказок с плохим концом. Что это значит? Всегда так рассказывали сказки, но фольклористы записывали и публиковали только те, которые удовлетворяли их ожидания, или это обстоятельство отражает текущее депрессивное состояние дел? Я не знаю. Вот, например, сказка о Липанушке.

Сказка про Липанушку

Жили-были деда с бабой. У них не было, не было никого. Пошли мужики пахать весной. А дедко с бабкой сидят. Пригорюнились. Нету сына. Нету деток. Вот ене и выдумали со старушкой.

— Давай, бабка, будем-ка Липанушка лепить. Как и все добрые люди. И у нас сын будет.

Приготовили глины и стали лепить липанушка. Лепили-лепили. Туловище прилепили. Лепили-лепили, голову прилепили. Лепили-лепили, ручки прилепили. Лепили-лепили, ручки прилепили. Ножки. Попку. Все. Петушка. Все прилепили. Высушили. Положили на печку. Утром ни свет ни заря Липанушко:

— Дедушко да бабушка, надо бы завтракать, кушать.

Вот, собирают на стол. Мужики уж поехали в поле.

— И мы пойдим.

— Да что уж ты батюшко, рано еще тебе, обожди, — говорит. — Погляди, на белой-то свет.

— Ну ладно. Будем готовить.

Выстали, поѐили, попили и пошли на улицу. Пришли на улицу.

— Нет, дедушко да бабушка, давайте будем лошадь запрягать.

Стали запрягать лошадь. Бабушка наклала им в сумку хлеба, и поехали пахать. Как пашут, как молния просекает, больно быстро и хорошо. В сказке дак. Друг лишь это мужики идут мимо, да и говорят.

— Фаня, кто же у тебя сегодня пашот? Не то ли по борозде, да две или три вдруг.

— Да, так сейчас и пашут. Стальные-то кони и больше того берут, а мясные эти помаленьку. Вот и мы с сыном пашом. Напахали. Наросло хлеба. Дошло дело до молочения. Комбаина нету. Как будем молотить. Машины нету.

— Дедушко да бабушка, не тужите. Измолотим. И хлеб в закрома все складем. В амбар.

(Раньше амбары были). Ен эдак и сделал. Взяли, хлеба намолотили. Бабка только короваи в печке пекет. Вот. Потом ен и говорит:

— Ну ладно, дедушко да бабушка. Я вас обеспечил хлебом-солью. Топериче мне надо в байне вымыться.

Бабушка истопила байну. Дедка да бабка сходили в байну. Наготовили всего. Как праздник после хлеба уж. Коль поле обрали дак. В байне-то вымылиси да сели за стол. Липанушка-то последний ушел.

— Не сяду я за стол, потом. Вымоюся да.

А сошел, а кадушка целая еще там воды. Он сокланялся там. И пал. Да оттуда и выйти не мог. Глина, размокла, да вот тебе и все. Дедушка да бабушка ждали-ждали. Нету глинянника, нету глинянника. Пришли, а одна пена на кадушке. Сказке конец, а кто слушал — молодец.

Сказка была записана в 2002 году Екатериной Самойловой и Элизабет Уорнер от Марии Герасимовны Епишиной в деревне Березник в Вологодской области.

Источник: <http://folk.spbu.ru/Skazki/skazka.php?folkID=233&rubr=skazki>